

Она пришла в себя в кромешной тьме, резко села — и стукнулась головой; раздался глухой звон.

Спертый воздух пах гарью. Ничего не видя, она пошарила вокруг и нащупала лист железа, навалившийся сверху. Под ним оставалось совсем мало места, поэтому она и ударилась, попытавшись сесть.

Запаниковав и от клаустрофобии, и от страха оказаться в ловушке и сгореть, она надавила руками изо всех сил и спихнула железный лист.

Тот с грохотом соскользнул — и на нее хлынул мутный дневной свет. В воздухе плавал дым.

Она вытянула себя из дыры, выкапываясь из-под горы перекрученного металла и каких-то машинных деталей. Пошатываясь, встала на ноги и потащилась, спотыкаясь, через разбросанные обломки. Центр Горловины Пласта был полностью раздавлен падающим великаном. Дымящиеся останки махины, даже лежащей лицом вниз, возвышались над ней горой. Из помятых теплообменников с задней стороны корпуса лениво тянулись вверх столбы грязно-черного дыма.

Кашляя, Калли вернулась по своим следам и принялась обыскивать место, где ее едва не засыпало. Под сломанной пресс-плитой нашлась скрючившаяся на обожженной земле Голла Улдана, с испачканным кровью лицом. Когда Калли убрала обломки, она заморгала на бледном свете и прошептала:

— Ты меня спасла.

Калли помотала головой:

— Нет. Я не знаю, как эта штука нас миновала.

Она помогла Голле подняться.

— Ты голову рассадила, — сказала Голла.

— Ты тоже.

Голла попыталась дотронуться до головы Калли.

— Оставь. Не трогай.

— Выглядит ужасно.

— Меня что-то ударило. Оставь.

— Только мы остались? — спросила Голла.

— Думаю, да.

— Надо посмотреть.

Калли кивнула.

Они некоторое время пробирались через дымящиеся руины, сдвигая куски спекшихся обломков и надеясь, что ничего под ними не найдут, однако — нашли.

Они нашли Ранага Зелумина — или по крайней мере верхнюю его половину. Что-то раскаленное, тяжелое и железное перерубило его ниже грудины. Долго на него смотреть они не смогли.

— О Деус! — пробормотала Голла.

— Голла! Сюда!

Голла пробралась к Калли. У подножия разрушенной стены свернулась клубком Дженни Вирмак. Она оказалась чудесным образом невредимой.

— Дженни?

— Все кончилось? — спросила Дженни Вирмак.

— Пока да, — ответила Калли.

— Замстак? Замстак? Это ты? — Голоса отдавались эхом в задымленном воздухе.

Голла и Калли подняли головы и увидели пробирающиеся к ним по полю обломков фигуры.

Рейсс уцелела. Иконис тоже.

— А мистер Биндерман? — спросила Калли.

Бон Иконис помотал головой.

Появился Ласко — со сломанным носом и выбитыми зубами, со ртом, сочащимся кровью. Жакарнов выбрался в поле зрения, затягиваясь лхо-сигаретой. За ним вылезли Ларс Вульк и Антик.

— Что это, фриг возьми, было? — спросил Антик.

— О, заткнись! — простонал Вульк.

Бранифф, как стало ясно, погиб, сгинув под рухнувшей крышей вместе со своими пиктами. Вольпера размазало падающей машиной. Еще Вульк видел смерть рыжей Саши — она практически испарилась под лазерным обстрелом. Робор и Фирстин выжили. Два члена Мобилизованной двадцать шестой, чьих имен Калли не знала, тоже мертвы. Она еще сильнее ощутила угрызения совести из-за того, что так и не узнала, как их звали.

— Пусть будет кто-нибудь другой, — произнесла она.

— Что? — спросил Иконис.

— Я не командир. Тупость какая-то. Пусть будет кто-нибудь другой.

Фирстин кивнул:

— Своевременная мысль, Замстак.

— Это еще что? — поинтересовался Иконис.

Фирстин обнажил в неприязненной ухмылке свои жуткие зубы:

— Замстак завела нас сюда. Это была ее блестящая идея. Я говорю, что это ее ошибка. Никто не смог бы подвести нас под монастырь лучше.

— Закрой свой рот! — вступилась Голла.

— Я говорю, что думаю, миссис, — ответил Фирстин, прикуривая чируту.

— Это сделала не Замстак, — произнес Ларс Вульк. — Это — не ее вина. Она всего лишь старалась нас уберечь.

— Я больше не хочу быть командиром, — сказала всем Калли.

— Кто-то же должен, — ответила Рейсс.

— Калли что надо. Я думаю, что она что надо. Так ведь? — спросил Антик.

— Как мне кажется, — начал Жакарнов, прочистив горло, — мы должны назначить более опытный командующий состав...

— Ты имеешь в виду себя? За тобой никто не пойдет, — возразила Рейсс.

— О, и почему же? — спросил мужчина. — Как раз сейчас кто-то...

— Командование должен принять Механикус, — произнес Робор.

Наступила тишина.

— Я согласен, — сказал Фирстин.

— Нет, мы... — начала Голла.

— Это война Механикус, и я — Механикус, — перебил Робор. — Будет правильно, если обязанности командира возьму на себя я. Лучше было сделать так с самого начала, а не взваливать их на Калли.

— Ага, — согласился Фирстин. — Могу поспорить, ты не притащил бы нас на погибель в эту дыру.

— Фирстин, ты мелкий кусок дерь... — начала Рейсс.

— Пожалуйста! Нам нужен какой-то порядок! — повысил голос Иконис.

— Калли?

Калли обернулась. Дженни Вирмак стояла в нескольких метрах в стороне, осматривая поле обломков. И манила ее к себе.

Калли Замстак перебралась через руины.

— Что такое, Дженни?

— Он мертв, как ты думаешь? — спросила Дженни Вирмак.

— О Трон! — прошептала Калли Замстак.

С обратной стороны толстенной обшивки панциря машины, словно труп казненного преступника, свисало тело. Оно, похоже, запуталось в кабелях и трубах, что вывалились, словно кишки, из разодранного корпуса.

Тело безвольно покачивалось на ветру.

Это не был кто-то из Мобилизованной двадцать шестой. Поначалу Калли решила, что это один из местных, но, подойдя ближе, изменила свое мнение.

Его кожа была разбухшей и сморщенной, словно он слишком долго принимал ванну. Обрывки электронных дредов тянулись из его головы — одни обрезанные, другие туго натянутые — и уходили в недра нависшего сверху корпуса. Из предплечий и позвоночника вырастали другие аугментические имплантаты. Его голова безвольно свисала, и, кроме разодранного облегающего комбинезона, другой одежды на человеке не было. До Калли дошло, что он висит на проводах и трубках собственных имплантатов. Некоторые из них вышли, другие расползлись, третьи рвали кожу и плоть, медленно расцепляясь под весом тела.

— Он мертв, — произнес Фирстин.

Калли потянулась вверх. Встав на цыпочки, она смогла лишь дотронуться до горла человека. Его кожа на ощупь походила на скользкий пластик.

— Нет, он не мертв, — воскликнула она. — Надо снять его оттуда.

Голла, Рейсс и Иконис поспешили к ней на помощь.

— Ларс, помоги нам! — крикнула Калли. — Давай придержи его, пока мы будем отцеплять!

Здоровенный рабочий с Бастионов подошел и взял человека за ноги, слегка его приподняв.

— Он весь мокрый, — пожаловался он.

— Тут так много кабелей, — сказала Голла. — Мы их просто отсоединим или...

— Стойте! Прекратите!

Робор, прислужник Механикус, протолкался вперед и уставился на тело с изумлением и

тревогой.

— Идиоты! Ничего не отсоединяйте! — воскликнул он.

— Мы же не можем его просто так тут оставить, — сказал Иконис.

— Это принцепс, — пояснил Робор. — Вы что, не понимаете? Этот человек — принцепс машины!

Калли глянула на него:

— Да я, в общем-то, и сама догадалась. Кем бы он ни был, надо его оттуда снять и положить поудобнее.

— Он все еще подключен, — продолжал Робор. — Его амниотическая рака разбилась, но он все еще подключен. Отсоединение — крайне сложный ритуал. Принцепс может получить серьезнейшую травму, если ритуал будет проводиться неправильно.

— Ты знаешь, как это делается? — спросила Калли.

— Конечно нет! Я самый младший прислужник. Я едва начал модификацию. Я...

— Что ж, — сказала Калли, — полагаю, что благородный принцепс уже получил гораздо больше, чем серьезнейшую травму. Отцепляем провода.

Иконис, Рейсс и Голла взялись за дело вместе с Калли. Робор отвернулся, отказываясь смотреть.

Как только вышел последний из перепутанных кабелей, Вульк и Иконис приняли тело и уложили на землю.

— Кто-нибудь, дайте мне медкомплект, — попросила Голла.

— Э-э, а он вообще-то не дышит, — заметила Рейсс.

Голла попыталась прочистить человеку дыхательные пути. Из рта у него фонтаном хлынула вонючая амниотическая жидкость.

— Он, скорее всего, находился в амниотике годами, — пояснил Робор. — Он модифицирован, чтобы дышать жидкостью.

— Он захлебывается, — сказала Рейсс.

Голла помотала головой:

— Он рождается.

Она сильно надавливала на грудную клетку человека, заставляя амниотическую жидкость выходить из легких. Жидкости было невероятно много. Калли помогала ее вытирать и очищать рот человека. Голла ухмыльнулась:

— Обычно хорошего шлепка по заднице хватает.

Она наклонилась, приложилась ртом к губам человека и принялась вдвухать воздух, периодически прерываясь, чтобы надавить на грудную клетку.

— Давай же, — сказала Калли.

Голла вытерла рот:

— Детки обычно понимают быстрее.

Она попробовала еще раз. Еще через пять минут села на корточки и помотала головой:

— Думаю, не получится.

Калли тронула ее за руку и показала. Грудная клетка человека едва заметно поднималась и опускалась.

— А я всегда говорила, что я мастер целоваться, Калли-детка, — произнесла Голла.

Они сделали временные носилки из найденных среди обломков палок. Иконис и Робор забрались внутрь останков машины, чтобы поискать других выживших, но выбрались оттуда с мрачными лицами.

— Там пожар был, — сказал Иконис и больше не добавил ни слова.

В последние часы дня они покинули руины Горловины Пласта. Они снова шли на юг. Калли этого не приказывала, но никто ничего другого не предложил. Даже Фирстин шел вместе со всеми и не жаловался.

Они потеряли многое из снаряжения, но кое-что удалось добыть из останков машины. Продвижение было медленным — мешали носилки, но их несли по очереди.

Они брели через безымянные вассальные берги и пустые лачужные деревушки. Вечернее небо окрасилось в темно-розовый цвет, и видимость упала. Калли уже ощущала в воздухе запах песка: в пустошах Астроблемы поднимался штормовой ветер.

Это означает «звездная рана».

Она оглянулась в надежде увидеть рядом Биндермана, но понимая, что его там не будет.

К тому времени, как они добрались до скопления заброшенных хижин и сараев под названием Торный След, пыль в воздухе стала такой плотной, что пришлось опустить очки и завязать шейными платками лица.

Густые волны розовой пыли катились по земле, словно пенные буруны. Вокруг носились обрывки мусора и пластика; старый знак, возвещающий равнодушному миру о Торном Следе, скрипел на ветру ржавыми креплениями.

Небо над головой стало тревожно-синим, по нему веером разносились огромные мерцающие перья ржавой пыли.

— Нам нужно укрытие! — крикнул Иконис Калли, прижимая к лицу платок.

— Спору нет, — откликнулась она.

Они занесли носилки под навес — хоть какое-то укрытие. Потом Калли выбрала Икониса, Ласко и Антика, чтобы обыскать городские строения. К ним присоединился непрошенный Жакарнов, но Калли не стала его прогонять.

Именно Жакарнов нашел самое лучшее место — трехкомнатное модульное жилье рядом с сараем из жердей и жести. Модульный дом был старым, материал стен местами прогнил, но, похоже, ничего безопаснее тут не найти. Они вышибли дверь и привели остальных.

Внутри модульного дома было грязно и темно. Пахло гнилью, тухлой водой и плесенью. Усиливающаяся буря сотрясала строение до основания, а ветер издавал причудливые бульканья и стоны, пробиваясь сквозь трещины, щели и дыры.

Дом был обставлен плохо, но кто бы тут ни жил, он являлся заядлым собирателем хлама. Повсюду громоздились полки и ящики, забитые железным ломом, однако пригодных инструментов было мало. Ласко нашел лоток с тонкими свечами, а Рейсс — пару работающих старинных плавких фонарей. Она развесила их на стропилах.

Песок яростно хлестал по стенам и покрытым слоем грязи окнам, словно ливень, а ветер грубо колотил в дверь, словно требуя впустить. Калли придавила дверь ящиком с железным ломом, чтобы не открылась.

— Всем отдыхать, — приказала она. — Мы здесь пробудем какое-то время, так что пользуйтесь моментом.

Сама она прошла в дальний конец модульного дома — в комнату, где они поставили носилки. Казалось, дом прошел долгую и нелегкую службу, прежде чем его списали на слом. Кто-то забрал его со свалки и поставил в Торном Следе. Большинство внутренних дверей тоже были со свалки, так что ни одна плотно не закрывалась.

Голла сидела рядом с принцепсом. Робор стоял рядом. Принцепс не приходил в себя, даже не двигался, только слабо вздымающаяся и опускающаяся грудная клетка говорила о том, что он еще жив.

— У него давление низкое, — сообщила Голла. — Пульс нитевидный.

— Если от его разума что-то осталось, — произнес прислужник, — то он испытывает жуткие страдания. Говорят, что боль изъятия от резкого разрыва — адская.

— Из-за того, что мы его отключили? — уточнила Калли.

Робор пожал плечами:

— До этого. Он, скорее всего, ощущал, как умер его БМУ.

— В смысле?

— Он сопереживал смерть своей машины.

— Мы что-нибудь можем сделать? — спросила Голла.

Робор не ответил. Ветер бился о крышу.

— А ты можешь что-нибудь сделать? — спросила его Калли.

— Я всего лишь прислужник, — ответил Робор. Затем посмотрел на нее. — Необходимо доставить его обратно в Кузницу.

Женщины расхохотались.

— Я серьезно. Принцепс — это бесценный товар: его навыки, его знания, его опыт. Если есть хоть какая-то возможность спасти этого человека, наш долг — добраться до Кузницы и...

— Я поняла, — сказала Калли, — но мы никуда не пойдем, пока все не кончится.

— Но...

— Робор, напряги мозги. Мы ничего сделать не можем.

Прислужник шмыгнул носом. Подкрутил что-то на правом запястье, и появился небольшой тонкий инфодрит. Калли и Голла взглянули на него с легкой опаской. Впервые Робор воспользовался своими модификациями в открытую.

— Я прошел совсем небольшую аугментическую обработку, — сказал он. — Я все еще жду разрешения на генеральную модификацию. У меня есть лишь простой инфоштекер и загрузочный порт. Возможно, с вашего разрешения, я...

Он прервался и посмотрел на них.

— Мне ведь не нужно вашего разрешения, да?

Калли помотала головой.

Робор подтянул табурет и уселся рядом с носилками. Внимательно осмотрел тело, методично изучая все штекеры: верхние шейные, черепные, лицевые.

— Такая разруха, — прошептал он. Многие из штекеров были повреждены или вырваны, многие потускнели от крови и выступившей амниотической жидкости. Наконец он выбрал один на левом плече принцепса.

Робор повернулся и обратился к женщинам:

— Прошу вас, что бы ни случилось, не разъединяйте нас. В противном случае для нас обоих это, скорее всего, закончится смертью.

— А что, если... — начала Голла.

— Не надо.

Робор вставил инфодрит в наплечный штекер. Вроде бы ничего не произошло. Калли и Голла в ожидании какой-то реакции уставились на лежащего словно при смерти принцепса.

— О черт! — воскликнула Голла.

До Калли дошло, что смотреть надо было на Робора, а не на тело на носилках. Голова Робора свесилась, глаза плотно зажмурены, кулаки крепко сжаты, а рот широко разинут в безмолвном крике.

— Вытаскивай, — заторопила Голла.

— Нет! Нет, ты же слышала, что он сказал!

— Посмотри на его лицо, Калли-детка. Он в агонии!

— Оставь штекер в покое!

Голла уставилась на нее:

— Ладно. Но если он явится ко мне и спросит, почему мы позволили ему умереть, я все свалю на тебя, Замстак.

Они принялись ждать. Робор не шевелился. Он сидел, словно статуя какого-то истязаемого святого, — сгорбленный, с перекошенным лицом. Вся его поза выражала страдание.

Шли минуты. Время текло невыносимо медленно. Калли подумала: как можно сидеть с разинутым ртом так долго? Буря сотрясала дом и колотилась в ставни. Может быть, он уже умер? Не станет ли это еще одним запоминающимся моментом в списке решений Калли Замстак как командира?

— Я его отключаю, — заявила Голла.

Калли схватила ее и потащила назад:

— Нет!

— Калли, пожалуйста!

Они нелепо боролись какое-то время, и Голла призвала все свои обширные запасы противопехотных оскорблений, которыми вооружили ее годы службы в переполненных общих палатах принципальского лазарета.

У них за спиной в комнату ворвалась Рейсс и разняла их с неожиданной легкостью.

— Она... — начала Голла. — Трон, Рейсс, ну ты сильная!

— Я не дам ей отсоединить Робора, — сказала Калли. — Пусти меня, пожалуйста.

Рейсс отпустила обеих, подошла к сидящему прислужнику и осмотрела его с легким ужасом.

— Чего он сделал? Вы дали ему воткнуться в мертвяка?

— Он не мертвый, — сказала Голла.

— Это была идея Робора. Он думал, что сможет помочь, — объяснила Калли.

Рейсс присела и заглянула в застывшее в гримасе лицо Робора. К нему она не прикасалась.

— Робор? Робор? Это Лив Рейсс. Ты там, мистер? — Затем поднялась и посмотрела на Калли: — Я думаю, Улдана права. Я думаю, надо его отсоединить.

— Робор попросил нас только об одном: чтобы мы не отсоединяли его, что бы ни случилось.

— Интересно, он этого ожидал? — с сомнением спросила Рейсс.

— Не знаю, но Робор понимает в этих штуках больше нашего, — ответила Калли.

Рейсс кивнула:

— Если ты так считаешь, он останется подключенным. — Она посмотрела на Голлу, затем на Калли: — Дайте нам знать, если что-нибудь произойдет, — и вышла из комнаты.

Ветер завывал над домом, свечи мерцали.

— Снаружи становится гадко, — пробормотала Голла.

Калли кивнула.

— И здесь тоже, — добавила Голла. — Прости.

— И ты меня прости.

— Да ладно.

Они постояли молча.

— Пойду проверю остальных, — произнесла Калли.

Несмотря на тот факт, что модульный дом трясло и бросало, словно корабль в море, большинство остальных спали. Дженни Вирмак одиноко сидела в углу. Она вертела на пальце маленький серебряный перстень и, похоже, молилась. Калли решила ее не тревожить.

— Калли? Глянь сюда, — позвала Рейсс. — Бон нашел.

На одной из полок среди хлама стоял потрепанный полевой вокс-передатчик эспэошного образца.

— Работает? — спросила Калли.

Рейсс пожала плечами:

— Поди узнай? Батареи-то сдохли.

— А запасных нет?

— И каким, по-твоему, будет ответ? — спросила Рейсс с жесткой усмешкой.

— Можно его ширнуть, — раздался сзади голос.

Они оглянулись. На них смотрел Фирстин. Он сидел, опершись на край просевшего матраса, и вертел в руках чируту, которую демонстративно не прикурил, изображая любезность к остальным.

— Что ты сказал? — спросила Калли.

— Можно ширнуть, — повторил Фирстин, ухмыляясь и демонстрируя полумесяц крайне запущенных зубов. — Мы иногда так делали, когда не могли позволить новые батареи.

— Кто это «мы»? — спросила Рейсс.

— Деловые партнеры, — ответил Фирстин, — там, в улье, в старые деньки. При моем роде занятий ресурсы ограничены. Иногда вдруг нужен вокс или что-то такое, а новых батарей нет. Поэтому иногда мы ширяли несколько штук.

— В смысле?

— Берешь дохлую батарею и соединяешь с энергоячейкой из оружия. Лучше всего из лазипистолета. Ненадолго, потому как батареи взорвутся, если дать слишком большой заряд. Взорвутся прямо в твое милое личико. И в твое, Рейсс.

Рейсс пропустила скрытое оскорбление мимо ушей:

— Сколько раз так можно сделать?

Фирстин пожал плечами:

— А, это дело на раз. Такой обмен энергией практически превращает батареи в дерьмо, но тока хватает как раз на одну-две короткие передачи. Могу показать, если хотите.

— А «ширнутая» батарея держит заряд? — спросила Калли.

Фирстин помотал головой.

— Тогда покажешь, когда буря утихнет. Сейчас нет смысла пытаться что-нибудь послать в этой каше.

Фирстин кивнул:

— Разумно мыслишь, Замстак.

Он откинулся обратно на матрас.

— Мистер Фирстин?

— Да, Замстак?

— Спасибо.

Калли повернулась, чтобы пойти обратно к Голле.

— Вы с Улданой там как — разобрались? — спросила Рейсс.

— Да. Это была минутная вспышка. Я решила оставить ее одну ненадолго. Показать, что

доверяю.

Рейсс кивнула.

Снаружи ветер стал таким сильным, что начал визжать, словно животное. Калли чувствовала, как тонкие свирепые струйки холодного воздуха пронзают модульный дом сквозь щели и просветы дверных и оконных рам. Воздух резко пах графитом — запахом песка из Астроблемы.

Это означает «звездная рана».

Она подумала о Биндермане и о других, погибших в Горловине Пласта. Она подумала о мистере Сароше и тех, кого они оставили на шоссе Фиделис.

Она подумала о Стефане, и слезы набежали на глаза. Она вытерла их изнанкой пыльной манжеты и коснулась золотого медальона на шее.

«Это просто „на счастье“ на другом языке», — сказал ей тогда мистер Сарош у прицепа-жилища. Если это талисман, приносящий удачу, то пока особой удачи от него не было.

«А вдруг — была? — подумала она. — Вдруг это был наилучший вариант развития событий?»

Она вернулась к Голле. Подруга по-прежнему пристально следила за Робором, дергаясь каждый раз, как порыв ветра хлопал ставнями или бросал кусок пустынного мусора в наружную стену.

— Иди поспи немного, — предложила Калли.

Голла помотала головой:

— Я еще продержусь чуток.

Робор открыл глаза.

Калли вздрогнула, а Голла отпрыгнула так резко, что едва не свалилась с табурета.

— Робор, ты меня слышишь? — спросила Калли.

Жуткий раззявленный рот Робора медленно закрылся.

Взгляд невидящих глаз был отсутствующим, словно после сильного удара. Кулаки по-прежнему

были крепко сжаты.

— Робор?

Он тихонько раскачивался и дрожал, словно стоя на сильном ветру посреди голой пустыни.

— Робор?

— Открытый артериальный проток, — прошептал он.

— Что? — Они нагнулись ближе, пытаясь расслышать.

— Открытый артериальный проток, — повторил он голосом шелестящим и легким, словно песок, несомый ветром из Астроблемы.

— О чем он? — спросила Калли.

— Я слышала, как гинеки говорили об этом, — сказала Голла. — Это дырка. Дырка в сердце младенца.

— Это небольшое отверстие в стенке между верхними желудочками сердца, — произнес Робор. — В утробе открытый артериальный проток — естественный короткий путь, который позволяет крови развивающегося ребенка циркулировать мимо легких, которые пока еще схлопнуты и заполнены амниотической жидкостью. Эта внутриутробная сердечная функция искусственно восстанавливается у всех принцепсов, проходящих модификацию для работы в раке.

— Поэтому у него давление такое низкое? — спросила Голла.

— Да. Часть крови по-прежнему проходит мимо легких, — ответил Робор. — Проток закрывается, но, пока он не закрыт окончательно, кровяное давление будет оставаться низким.

— Робор, откуда ты это знаешь? — спросила Калли. Робор моргнул, но глаза его по-прежнему отказывались фокусироваться на ней.

— Он мне сказал.

— Принцепс сказал тебе?

— Принцепс мне сказал.

— Робор, что ты еще можешь сказать? Можешь сказать еще что-нибудь? Как он там?

Робор нервно сглотнул и произнес:

— Больно.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660652>